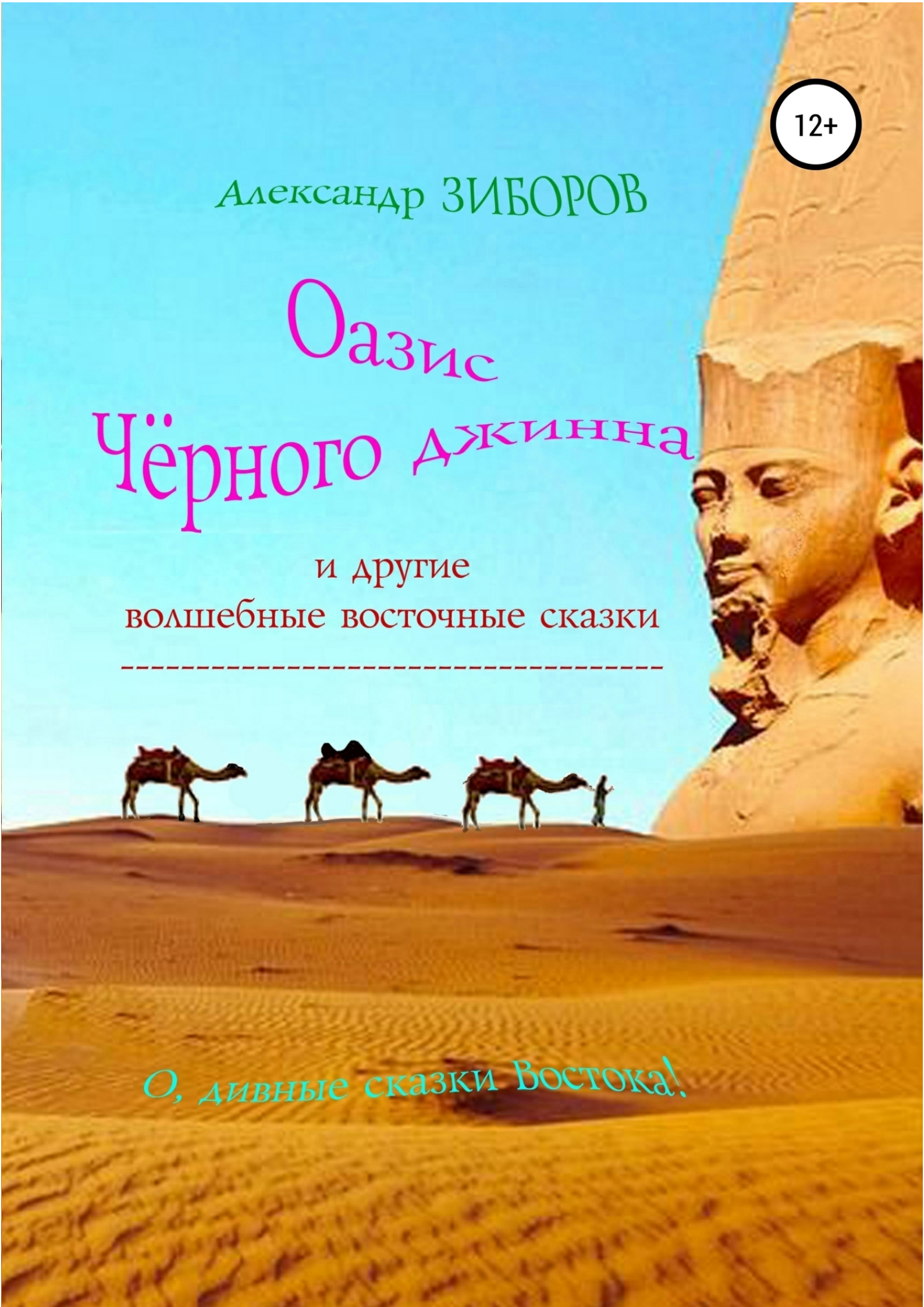
12+

Александр ЗИБОРОВ

Оазис Чёрного джинна

и другие
волшебные восточные сказки



О, дивные сказки Востока!

Александр Зиборов

Оазис Чёрного джинна и другие волшебные восточные сказки

«ЛитРес: Самиздат»

1987

Зиборов А.

Оазис Чёрного джинна и другие волшебные восточные сказки / А. Зиборов — «ЛитРес: Самиздат», 1987

Чарующий мир восточной волшебной сказки - он населён ужасными джиннами, злыми колдунами, могущественными магами, дервишами, мудрецами, прелестными пери (феями), безжалостными разбойниками; есть и прекрасная принцесса, красивый принц, влюблённый в неё…Поразительные приключения в жарких песках пустыни, в необыкновенном дворце, в воздухе, в благодатном оазисе, в заколдованном городе Палгиате…

© Зиборов А., 1987
© ЛитРес: Самиздат, 1987

Содержание

Оазис Чёрного джинна 5
Чёрный джинн, 14
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Оазис Чёрного джинна

Сказители повествуют, открыватели тайн рассказывают, что в славном городе Хелаверде жил-был гончар Ахмад. Он растил трёх дочерей и одного сына: двенадцатилетнего Саида, самого младшего, самого любимого и, как сие нередко водится, самого избалованного. Не сказать, чтобы очень уж избалованного, но такое за ним водилось, ведь родителям смотреть за сыном было некогда – они работали с утра до вечера, дабы прокормить семью. А это было весьма нелегко.

Саид же обычно был предоставлен самому себе и делал то, что хотел. Больше всего он любил бегать по окрестностям кишлака с такими же сорванцами, как и он сам, бродить по окрестным холмам, лазить по деревьям, купаться в речке, дразнить кошек и собак. Ещё Саид любил халву, особенно кунжутную, и миндаль в сахаре, которые иногда по праздникам приносил домой с базара отец, но такое случалось не особенно часто, гораздо реже, чем того хотелось мальчику.

От сверстников ещё его отличало и то, что он был обучен дядей Кадыром грамоте, читал книги и был большим фантазёром. Любил уйти один на речку или спрятаться в тутовой рощице и мечтать. Например, он представлял себе, что найдёт волшебную лампу, такую же, какую имел Аладдин, потом потрёт её бок – из лампы выйдет страшный обликом джинн и исполнит всё, что пожелает владелец лампы.

"Перво-наперво, – думал Саид, – скажу, чтобы он принёс мне халвы, много халвы: кунжутную, мастову, нишаллу и поднос засахаренного миндаля. Вот будет вкуснятина! А когда наемся, то попрошу выстроить мне прекрасный дворец, как у падишаха. Нет, ещё лучше, из чистого золота, драгоценных камней и чёрного дерева. На шляпках гвоздей пусть сияют бриллианты. Бассейны с розовой водой будут обложены цветным мрамором и в них станут плавать золотые рыбки, а на дне вместо песка прикажу джинну положить отборный жемчуг…"

В тот знаменательный день Саид сидел у речки и глядел на бурный водный поток, на его сплетающиеся и расплетающиеся струи воды, которые, попадая на огромные валуны, вскипали белой пеной и обиженно клокотали.

Сегодня против обычного мальчик думал не о волшебных предметах, а о караване, который утром ушёл в далёкий таинственный Китай. Саид не знал, где находится Китай и насколько он далеко от Хелаверда, но представлял его себе в виде сказочной страны, таинственной и неотразимо притягательной. Да и мог ли его воображаемый Китай быть иным, если он знал о нём понаслышке, от таких же неосведомлённых сорванцов, как и он сам!

Как гордо восседал на своём могучем гнедом иноходце главный купец в белокисейном тюрбане! Как важно выступали верблюды, кивая тяжёлыми головами, неся на себе тюки с товарами! Как храбро глядели вооружённые охранники!.. Половина Хелаверда сбежалась посмотреть на караван. Как завидовал Саид, словами не описать! Его душа рвалась к ним. Он отдал бы всё, только бы поехать с ними в Китай, но разве его возьмут?!.

Глубоко вздохнул Саид. Тут вдруг увидел маленького кеклика, за которым гнался ястреб. Птичка с трудом уворачивалась от хищника, видимо, сильно устала, а потом юркнула в переплетение колючих ветвей кустарника унаби. Ястреб со злобным клёкотом летал вокруг, пытаясь добраться кривым клювом до пташки. Та сидела внутри куста, сжавшись в комок и дрожа от страха.

Пожалел её Саид, поднял увесистый камень и швырнул в хищника. Ястреб обозлился и бросился на мальчика. Тот от неожиданности споткнулся и упал. Около него оказался увесистый сук. Саид схватил его, вскочил и изо всех сил ударил нападавшую птицу. Ястреб упал наземь, хрипло закричал и вдруг превратился в клуб смрадного дыма, который медленно, почти не рассеиваясь, поднялся вверх и затерялся в облаках.

Удивился этому Саид, до того удивился, что даже не успел напугаться. Только подумал, что это, наверное, должно быть очень страшно, когда птица превращается в дым. Такого он никогда не видывал. Немного опомнившись и придя в себя, мальчик заметил, что перед ним стоит молодая женщина: поразительно красивая, с нежным румянцем на щеках, с её головы чёрными змейками свисали сорок косичек, а одежда переливалась всеми красками радуги.

– Здравствуй, Саид, – ласково сказала она.

– А вы кто, откуда здесь? – с испугом спросил мальчик. – И кто вам сказал, как меня зовут?

Странное дело: ястреба он не испугался, как в дым тот превратился не испугался, а сейчас ему стало не по себе, хотя женщина имела самый добрый вид.

– Я пери Мехрнигор, – объяснила она, – я добрая волшебница, о которых ты читал в сказках. Я та птица, которую ты защитил от злого колдуна Эрвера Мазбута. Проси у меня всё, что хочешь.

– Ой, как хорошо! – воскликнул Саид. Страх у него сразу же прошёл. – Значит, вы можете дать мне летающий ковёр, чалму-невидимку или волшебную лампу?

– Могу, всё могу, но хорошенько подумай, прежде чем выскажешь своё желание, – предупредила пери Мерхнигор, – иначе потом будешь сожалеть и сокрушаться, что выбрал не самое лучшее.

– Действительно, – согласился Саид, – нужно подумать, ведь хочется иметь и ковёр, и чалму, и волшебную лампу, и многое другое. А выбирать нужно что-то одно.

Задумался, что же ему попросить у пери? И тут вспомнил о караване, который утром ушёл в Китай, и под влиянием накативших на него чувств залпом выпалил, даже удержать себя не успел:

– А можно, чтобы у меня был большой караван с товарами? Я хочу стать купцом, странствовать по свету, всё видеть, всё знать и быть богатым. А все станут на меня смотреть и завидовать. И я так хочу побывать в Китае!

Пери Мехрнигор опечалилась:

– Ты сделал не лучший выбор, но так и быть: караван ты получишь. Вдобавок я хочу дать тебе от самой себя ещё один подарок: я наделю тебя дивным знанием гончарного мастерства, им ты будешь владеть лучше любого другого человека на свете. Каждый, кто увидит твои изделия, станет ими восхищаться и по-хорошему завидовать тебе.

– Лучше бы вы дали мне волшебную лампу, – недовольно сморщил нос Саид. – Зачем мне лепить горшки, это очень скучно.

– Уже нельзя, – строго произнесла пери Мехрнигор, – ты сделал свой выбор. Вон твой караван, иди и владей им, как знаешь.

Повернулся Саид, а сзади и вправду стоит большой караван в сорок верблюдов, точно такой же, какой утром отправился в Китай. Обрадовался, побежал к нему со всех ног, но вспомнил о волшебнице, хотел было её поблагодарить, обернулся, а она уже исчезла, точно её и вовсе не было. Огорчённо развёл руками мальчик, но делать нечего, направился к каравану, где его с поклоном встретил сам караван-баши Искандер ибн-Борвози аль-Самарри и многочисленная прислуга. Громкими криками они приветствовали своего хозяина.

Загордился Саид, нос кверху задрал. Таким счастливым себя почувствовал, что и рассказать трудно. Его заботливо усадили на верблюда и караван двинулся в путь: поехал мальчик в Китай, совсем позабыв о родителях и сёстрах. Так со многими случается, поэтому не будем слишком уж осуждать его, а посмотрим, что приключилось с ним дальше.

Много дней караван шёл по пустыне. Вокруг были одни барханы, песок с редкими кустами саксаула. Лишь иногда пробегала юркая ящерица или проползала змея, порой стремительно пролетала птица.

Было жарко. Саиду надоело с раннего утра и до позднего вечера монотонно покачиваться на жёстком хребте верблюда. У него затекли ноги, и он уже давно жалел, что пустился в столь дальний путь. Тем более, что караван-баши на вопрос о Китае ответил, что до него предстоит добираться не один месяц. Саид глубоко вздыхал, мысленно клял себя за опрометчивый выбор и сожалел, что не выпросил у пери волшебного коня, который летает по воздуху, или летающий ковёр, или чарыки-быстробеги. Но ничего изменить он не мог, поневоле приходилось терпеть все тяготы трудного пути.

Стоял знойный полдень. Саид дрожал, разморенный жарой. Его за плечо потряс караван-баши и показал на горизонт, где виднелись чёрные точки, передвигающиеся по пескам:

– Разбойники!

Саид поднял усталую голову, с трудом осознавая угрожающее положение, в котором оказался. Потом вскрикнул, разглядев зловещего вида людей, скачущих с обнаженными саблями в руках. Иные держали длинные копья, почти у всех за поясами торчали кривые кинжалы. На солнце отражалась гладь стальных доспехов, круглых щитов с набалдашниками.

Стремительно разбойники налетели на караван, перебили охранников и всю прислугу. Храбро бился караван-баши, но и он пал, пронзённый копьём. Какой-то бородач вознамерился было отрубить голову Саиду, но другой разбойник его остановил:

– Не трогай мальчишку, мне нужен прислужник, давно ищу такого!

Вот так Саид лишился каравана с богатыми товарами и оказался в плену у разбойников: он стал слугой одного из них. Готовил своему хозяину еду, стелил и убирал дастархан, постель, всячески угождал, а перед сном чесал ему пятки, что тому весьма нравилось. По ночам Саид горько плакал о своей участи, ибо питался объедками, не досыпал, а работал сверх всякой меры – хозяин не давал ему бездельничать, постоянно приказывал делать то одно, то другое. Сколько раз пожалел мальчик о своем нерасчётливом желании иметь караван, и сосчитать трудно. Самыми ругательными словами ругал себя за то, что не попросил чего-нибудь другого. А ведь добрая пери предупреждала его, предупреждала!..

В один из последующих дней случился страшный самум – песчаная буря. После неё разбойники заблудились и никак не могли выбраться на правильный путь. Кончились запасы воды, а они всё ещё пробирались по пустыне и вокруг был только песок, один песок, ничего кроме песка. Хотелось пить. Жара истомила всех до предела. Шершавые языки царапали сухие гортани, на зубах скрипел песок. Разбойники уже устали ругаться, проклинать своё тяжёлое положение, едва удерживаясь в седле.

Саиду начало казаться, что его могут убить, дабы напиться его крови. От этой мысли внутри у мальчика всё сжалось в комок, на мгновение он даже потерял сознание. "А что им стоит сделать это, – думал он в страхе, – вон сколько людей они поубивали совсем зазря! И меня не пожалеют". Ему казалось, что он угадывает во взглядах разбойников желание покончить с ним и был едва жив от страха.

Лишь случайно они наткнулись на старый заброшенный колодец. С радостными криками бросились к нему наперегонки и столпились у края. Вода находилась столь далеко, что только ощущалась её прохлада, но самой живительной влаги было не видать.

Разбойники принялись гадать, как им лучше добраться до воды? После собрали все верёвки, какие только нашлись у них, связали в одну и бросили жребий, кому спускаться вниз. Выпал он чёрнобородому грабителю, что чуть было не зарубил Саида при нападении на караван. Тот злобно выругался, ему не хотелось лезть в глубокий колодец, но пришлось скидывать халат. Тут его взгляд упал на мальчика, и он радостно воскликнул:

– Вот кто туда полезет, он лёгкий! И подымать обратно его нетрудно! А со мной же вы намучаетесь.

Все согласились с его предложением.

Саида опоясали верёвкой, туго затянули узел и начали спускать в колодец. Страшно было мальчику, ему мерещились всяческие ужасы, и чем ниже его опускали, тем становилось темнее и страшнее… А вот и дно. Внизу оказалась просторная сухая площадка, а вода находилась в стороне от неё. Саид отвязал верёвку, её вытянули вверх и спустили с привязанным кувшином. Он наполнил сосуд, а разбойники подняли его наверх. Затем кувшин спустили снова…

Сначала разбойники напились сами, а затем напоили лошадей и наполнили бурдюки про запас.

Наконец верёвка пришла без кувшина.

– Обвязывайся, мы тебя вытащим! – крикнул кто-то сверху и эти слова гулким раскатистым эхом отдались в стенах колодца.

Перепугался Саид, трепещущими руками побыстрее обвязался верёвкой и его начали поднимать, но почти сразу вслед за этим верёвка где-то наверху оборвалась и мальчик упал. Хорошо, что с небольшой высоты, поэтому лишь немного ушибся, хотя весь вывалялся в пыли. Видимо, верёвка перетёрлась о край колодца, когда много раз поднимали и опускали кувшин с водой.

Постояли разбойники у колодца ещё какое-то время, поговорили и отправились дальше, ведь другой верёвки у них не имелось. А что для них значил какой-то мальчишка!..

Саид остался в одиночестве на дне тёмного глубокого колодца. Сел он, зарыдал. Долго плакал великим плачем, даже устал. Потом перестал, справедливо рассудив: "Плачь, не плачь, а горю не поможешь".

День прошёл, второй начался. Есть хочется. Чувствует Саид, что-то давит ему на грудь острым концом. Посмотрел, а за пазухой лежит кусок сухой лепёшки, который он сунул ещё во время езды с разбойниками по пустыне: тогда его мучила жажда и он не мог есть сухой хлеб, потому и положил его за пазуху.

Обрадовался находке мальчик, но сразу всю лепёшку кушать не стал: поделил на две равные доли, одну съел, а другую на следующий день оставил. Единственная радость – воды было предостаточно.

Спать лёг пораньше, ведь известно, что когда спишь, то есть не хочется.

Проснулся, глянул наверх – там виден кусочек светлого неба. Значит, день наступил. Вздохнул Саид, достал оставшийся кусок лепёшки и стал раздумывать: съесть ли его сразу весь или хоть чуточку оставить на потом?

Правильно или нет, но пришёл к выводу, что следует съесть весь. А чтобы вкуснее было и горло сухарь не драл, стал его размачивать в воде. Тут вдруг заметил в воде светлый блик. Такой странный, что сразу заинтересовался им: что это такое, откуда идёт этот лучик света? Сбоку откуда-то, словно вдали в стене под водой фонарик светится. Присмотрелся, скоро убедился, что это ему не кажется. Ход там имелся, но вот ведь какая закавыка – весь он находился под водой. Правда, мальчик плавал чуть ли не лучше всех своих сверстников. Решил Саид, что он доплыть сумеет.

Распустил халат поудобнее, пояс подвязал не сверху, а под него, чтобы движения не стеснял. Набрался решимости, глубоко вздохнул и бросился в воду. Плыть пришлось не очень много, менее чем через минуту, он оказался в маленькой пещерке, скорее, норе. Перед ним был узкий лаз.

Раздирая плечи в кровь мальчик стал карабкаться наверх. Порой ему казалось, что он застрянет тут навечно, но страх перед такой страшной смертью придавал новые силы и Саид с новой силой продирался дальше… И вот он оказался на поверхности, шагах в двухстах в стороне от колодца, в маленькой ложбине. Узкий вход в нору прикрывал чахлый кустарник и со стороны он был почти незаметен. Наверное, в далёкие времена его вырыл шакал или гиена.

Огляделся мальчик по сторонам и приуныл: везде он видел пески, только пески. Решил пойти по следам разбойников – хоть и злодеи, но всё же люди! Не погибать же в пустыне без еды и уже снова без воды!

Вернулся к колодцу и тут увидел, что следы ведут в прямо противоположные стороны: то ли отряд разбойников разделился, то ли незадолго перед ними тут побывал кто-то ещё…

Гадал довольно долго, но потом махнул рукой и пошёл по тем следам, которые были больше похожи на оставленные разбойничьим отрядом.

Двигался по пустыне весь день, немалую часть ночи, а потом и всё следующее утро. И день. Пески казались безбрежными. Вдруг на горизонте он заприметил что-то тёмное, похожее на верхушки деревьев.

– Там люди! Спасён! – закричал Саид, полный ликования.

И уже не обращая внимания на обжигающий ноги песок, прокалённый неутомимым знойным полуденным солнцем, побежал вприпрыжку. Сердце его готово было выпрыгнуть из груди и помчаться впереди него к желанной цели.

И вот желанная, спасительная сень деревьев. Саид увидел перед собой дерево, увешанное тяжёлыми сочными грушами. Сразу же с ходу сорвал несколько штук и впился зубами в освежающую мякоть плода. Ах, как было вкусно! Разве можно описать словами всю прелесть этих дивно пахнущих янтарных груш? Нет, это невозможно!

Съев всего лишь три штуки, Саид почувствовал неудержимую жажду и даже сладкие груши стали ему казаться приторными.

Он направился в глубь сада и обнаружил ручеёк со свежей холодной водой. В нём плавали большие рыбы, которые при его приближении метнулись в сторону. Бросившись наземь, мальчик принялся пить прямо из ручья. Затем разделся и искупался, после чего почувствовал такой прилив бодрости, что даже засмеялся, так ему стало хорошо. Хотелось прыгать, плясать, но уже спустя несколько минут он ощутил в ногах сильнейшую усталость, они словно бы налились тяжестью. Саида неудержимо потянуло в сон. Он присел на траву в тени дерева и, сам не заметив этого, крепко уснул.

А проснулся только на следующий день, когда наступило утро и в кронах защебетали птицы.

– Нужно найти хозяев сада, – решил мальчик, – расскажу им всё и попрошу помочь. Наверное, они не откажут мне в помощи.

Сразу же направился на поиски. Весь сад обошёл, но людей не сыскал и понял, что тут никого нет. Только он один и есть, конечно, если не считать рыб в ручье да птиц, порхающих в воздухе. Понял, что находится в оазисе, где людей, кроме него самого, нет. За пределами этого местечка лежали безводные пески, солончаки да глиняные такыры.

Огорчился Саид, вспомнил родителей и слёзы сами потекли из его глаз. Наверное, они думают о нём, беспокоятся, а он бросил их и уехал, даже о них не подумал.

"Эх, надо было попросить у пери что-нибудь такое, – вздохнул Саид, – что никто и никогда не сумел бы отобрать. Например, силу тысячи богатырей-пахлавонов, а не караван. Зачем мне был нужен этот караван? Глупый я, глупый! Недаром так грустно посмотрела тогда на меня пери. Плохой я сделал выбор. Увы, но сейчас уже поздно сожалеть об этом".

Решил Саид больше не вспоминать о волшебнице и её подарке, не бередить себе понапрасну душу, ведь толку от этого не было никакого, а лучше заняться делом: подумать, как ему выбраться отсюда?

Он надеялся, что где-нибудь поблизости находятся населённые земли и однажды, набрав фруктов, попытался пройти к ним через пески. Шёл, шёл, долго шёл, ещё не кончился запас еды, как он почувствовал сильную жажду, которую совсем не утоляли сочные фрукты, и повернул обратно. Едва добрёл, умирая от жажды.

В оазисе, несмотря на одиночество, жизнь у него была неплохой: вода в роднике текла свежая, холодная и чистая, как слеза ребенка. В ней водились крупные рыбы. Можно было бы их ловить, но сырыми есть их он не мог, а огня не имел. Не знал, как его разжечь, ведь это дома всегда делали родители.

Иногда случались довольно холодные ночи. Это заставило Саида соорудить шалаш, внутрь он натаскал груду листьев, потом в них зарывался, когда мёрз, они служили ему вместо одеяла, которого у него не было.

Упомянутый ручей выбивался из небольшой скалы, протекал через весь оазис и на его окраине растекался в небольшое озерцо. Вода впитывалась песчаной почвой, а потому уровень воды был почти постоянным, несмотря на довольно обильный приток.

Когда Саиду хотелось кушать, то он рвал с деревьев яблоки, вишни, виноград, персики, абрикосы, инжир, гранаты, сливу и утолял ими голод. Также здесь росли арбузы, дыни, тыквы, горох, пшеница, ячмень, рис и фасоль. Собирай – ешь! Лишь одно мучило мальчика – одиночество.

"Вот если б сюда отца с мамой, сестрёнок да наших мальчишек, – вздыхал Саид, – то-то было весело!"

В мечтах о родном доме ему пришла мысль изготовить сосуды для воды и попытаться ещё раз пробраться через пески к людям. Возможно, на сей раз ему повезёт.

Набрал на такыре глину. Замесил, тщательно размял, добавил мелко нарубленной соломы. Вспомнил, что так делал его отец. Перемазался с головы до ног и слепил нечто кривобокое, уродливое. Поставил: едва стоит, вот-вот свалится. На солнце несколько дней сушил, но чуть воды налил – расползся сосуд, как бумажный. Тогда Саид сделал другой и сушил вдвое дольше прежнего, но и этот оказался не крепче. Хлопнул себя по лбу:

– Обжечь его нужно! Как же я забыл, так всегда делал мой отец!

Деваться некуда, стал разводить огонь – тереть палкой о палку. Взмок от обильного пота, а огня не добыл. Собрал сухую траву, листву, мелкие веточки и сложил в кучку, а сам принялся камнем о камень бить, искры высекать. Бил, бил – руки уже ноют от боли, а толку нет, хоть плачь.

С досады зашвырнул камни от себя подальше, но тут же устыдился своего поступка, подумал: "Не они виноваты, а моё неумение, на себе надо свою злость срывать!.."

Пошёл, подобрал камни и вновь принялся усердно стучать ими друг о друга. Не получилось. Отдохнул, в озерце искупался и за палку взялся: стал тереть да с такой силой, что вскоре древесная пыль на нижней задымила, на ней появилась красная огненная точка. Чуть дыша, мальчик положил сверху на неё сухую былинку – она затлела. Вторую, третью, четвёртую, потом листики, а за ними веточку – и вот уже горит огонь. Добавил прутьев, толстых палок, а сверху – сучковатую корягу. И заполыхал жаркий костёр!

Насадил Саид на конец палки яблоко и начал его печь: шипит яблоко, соки пускает, а как испеклось, вмиг съел лакомство. Потом другое яблоко насадил на деревянный шампур.

Наелся вдоволь, принялся собирать хворост, разбросанный под деревьями. Обложил им вылепленные горшки и поджёг. Загудело яростное пламя. Как стали дрова прогорать, ещё подбросил. Всю ночь поддерживал огонь, не спал. Скучно немного было, но он нашёл себе занятие – занялся сооружением печки, вернее очага. Вырыл яму, обложил с боков камнями, а посередине разжёг огонь. Забегая вперёд скажу, что после в этом очаге он постоянно хранил угли под золой и от них разжигал новый огонь, когда тот ему требовался. А если огонь тух, то приходилось опять браться за палки, долго-долго тереть их друг о друга, чтобы добыть новый огонь. Это было утомительным и тяжёлым занятием.

Под утро мальчик потушил огонь и осмотрел горшки: несколько штук треснули, но зато остальные остались целыми. Постучал ногтем – звенят. Обрадовался, быстро набрал рисовых

зёрен, в ручье поймал рыбу, выпотрошил её. Налил воды в горшок и в нём на своём очаге сварил суп.

Ел, едва язык не проглатывал – так было вкусно, хотя и без соли! Это и понятно, ведь чего долго не пробуешь, то вдвойне слаще кажется.

Так и пошло: захотелось Саиду жареных зёрен – он слепил сковородку. На ней и рыб жарил. Для питья изготовил кувшины и пиалы, для хранения сушеных яблок, персиков, груш, слив и других фруктов – большие звонкие сосуды-хумы. Такие огромные, что в них мог бы маленький ребёнок влезть и даже развернуться внутри. Поначалу хумы получались некрасивыми, перекошенными, уродливыми, часто при обжиге лопались. Лишь постепенно мальчик научился лепить их прочными, а бока стал украшать узорами, чтобы они были красивее, ведь такой и пользоваться приятнее.

Скоро он до того гончарное дело освоил, что запросто лепил самую различную посуду, а также игрушки, свистульки. После дом себе сложил глинобитный, очаг-тандыр сделал, лепёшки в нём пёк, а в холодные ночи грелся около него. За работой не замечал, как идёт время, а потому и меньше скучал.

Однажды родителей вспомнил, затосковал и загорелся желанием идти к людям. Выбрал лучшие сосуды, два из них связал верёвкой из ивовой коры, лямки приделал, дабы за плечами нести. Один наполнил чистой водой из родника, а второй свежими и сушеными фруктами. С ними пошёл через пустыню.

Первые дни терпел, но как стал подходить к концу запас воды, то повернул обратно, так и не отыскав людей.

Возвращался в оазис по своим следам, но всё равно заблудился, начал плутать, изнемог и так устал, выбившись из сил, что бросил сосуды с остатками еды и питья, далее брёл наугад. Лишь чудом наткнулся на свой оазис и решил отныне не покидать его, такими сильными были пережитые ими муки жажды и отчаяния.

"Лучше жить тут на всём готовом, чем умереть в пустыне" – решил Саид.

В дальнейшем попыток выбраться отсюда он не предпринимал.

Шло время.

Как-то Саид заметил, что вода из озерца уходит в песок без всякой пользы, пропадает даром. Задумался: "А нельзя ли использовать её на какое-нибудь хорошее дело?"

Вспомнил, как в схожем случае поступил односельчанин Искандер: тот песчаное ложе пруда обмазал глиной. Саид принялся таскать глину с такыра и раскидывать по дну озерца. Потом равнял руками, ныряя под воду. Действительно, фильтрация воды сократилась, уровень озера повысился, излишек полился через край и впитывался жарким песком.

Саид придумал отвести эти воды к такыру, дабы оросить его. Корягой прокопал к нему канаву, песчаное дно обложил слоем глины, который высох на солнце и стал непроницаем для воды. Затем пустил в неё ручей. Позже вдоль арыка посадил деревья, а на такыре – ещё и различные овощи и растения. Особенно хорошо росли там арбузы, дыни и тыквы.

Долго трудился, весь такыр озеленил. Когда закончил работу, то первые посаженные деревья уже цвели. Безжизненный такыр в сад превратился.

– Вот бы родителей сюда, – в который уж раз вздохнул Саид, глядя на плоды своих рук, – как бы они порадовались. И ведь всё это сделал я сам!

Теперь он оказался свободным от дел и вновь заскучал. Задумался: "Чем бы ещё заняться?" И принялся лепить всякую посуду, обжигать её. Немало сделал. Горкой сложил. Правда, пользовался немногими. Утешал себя: "Ничего, всё равно когда-нибудь сюда придут люди, им это всё понадобится. Мне спасибо скажут".

Там, где он глину брал, образовалась большая яма. Саиду пришла мысль пустить в неё воду. Не мешкая, прокопал канаву, и у него появилось ещё одно озерцо. Только это сделал он сам, чем очень гордился. В нём мальчик часто купался: в жаркие дни плескаться в холодной

воде было огромным удовольствием. А так как он и в дальнейшем глину отсюда брал, то яма постоянно увеличивалась в размерах.

– И как только я раньше не догадался так сделать! – досадовал Саид. – Ныне мне сам падишах может позавидовать – такого сада с прекрасными озёрами нет ни у одного владыки мира!.. Только одно плохо – скучно. Эх, домой бы вернуться!

И всегда при этой мысли он глубоко вздыхал.

Однажды Саид гулял по своему новому саду, зашёл в самый дальний край такыра, где ещё не бывал. Там начинались пески, а у горизонта виднелся другой такыр. Пригляделся, показалось ему, будто там виднеется нечто зелёное. "Что это может быть? – заинтересовался он. – Схожу, погляжу".

Быстро поспешил туда и увидел, что за такыр он принял глиняный холм, за которым находился глубокий и широкий овраг с отлогими краями, а в нём рос сад. То зелёное, что видел Саид издалека, оказалось верхушками деревьев. Здесь бил мощный родник, даже больший, чем в его оазисе и вода в нём была не менее превосходной.

Пригляделся, странной показалась ему форма оазиса: она поразительно напоминала след человека, только тогда этот человек должен был бы доставать головой облака Нет, такого быть не может, покачал головой мальчик, просто случайное сходство.

Проходя по саду, то там, то здесь, Саид видел побелевшие кости каких-то огромных животных и валявшиеся рядом вьюки. Приглядевшись, он понял, что это верблюжьи костяки. Несомненно, какой-то караван забрёл сюда после песчаной бури или просто заблудившись. Люди погибли ещё в песках, а выносливые животные добрались до оазиса и впоследствии умерли здесь. Судя по внешнему виду тюков и костей, это произошло очень давно.

Слева от себя на склоне холма мальчик заметил вход в пещеру и загорелся любопытством: "А что там может быть?"

Вошёл и восторженно ахнул – вся пещера оказалась заполненной тюками, мешками, хурджинами, узлами, сундуками, кувшинами, свёртками тканей и самыми различными вещами, перечислять которые можно было очень долго. С раннего утра и до позднего вечера можно было рассказывать о том, что здесь находилось: шитые золотом и серебром ткани, различная одежда, обувь, ларцы с рубинами, алмазами, сапфирами, топазами, яшмой, бирюзой, нефритом, бериллом, жемчугом; кошельки с золотыми и серебряными монетами, мешки с серебряными слитками, разнообразное боевое оружие: мечи, сабли, кинжалы, ножи, копья, пики, дротики, алебарды, булавы, чеканы, щиты, кольчуги, доспехи, поножи, наручные щитки, шлёмы… Всё оружие оказалось в целости и сохранности, было щедро смазано маслом и аккуратно уложено. Описать найденные сокровища было невозможно – слишком слаб человеческий язык!

Едва поверил такому богатству Саид.

Не сразу в стороне он разглядел на подстилке высушенный, словно мумия, труп старика с длинной седой бородой. Тот сжимал в руке калам, а перед ним стояла пустая чернильница – чернила в ней высохли много лет назад. Тут же лежала книга. Ветерок, любопытствуя, перебирал её шуршащие страницы: старец умер, не дописав фразу до конца.

Долго рассматривал труп, который, несомненно, был в жизни очень мудрым человеком. На благородном лице старца лежало неизгладимая печать обширных познаний, лоб избороздили многочисленные морщины – следы постоянных размышлений.

Бережно завернув книгу в кусок ткани, Саид взял её с собой. Решил позже её прочитать.

Неподалёку от пещеры Саид выкопал глубокую могилу и в ней похоронил умершего, обернув его вместо савана отрезом дорогого китайского шёлка.

Затем много дней перетаскивал разбросанные повсюду тюки в пещеру, а верблюжьи кости зарыл за пределами сада. Здесь в песке он обнаружил точно такие же кости. Немного поразмыслив, Саид подумал, что их закопал в своё время старец.

Уже в этот день мальчик начал читать книгу, найденную в пещере. Вот что он прочёл в ней…

Чёрный джинн,
Или Жизнеописание Шакара сына Хамдама

Слава вечно живому, неизменно сущему!

Я хочу поведать о своей горестной жизни. Если её записать кончиком иглы в уголках глаз, то она послужит назиданием для поучающихся и наставлением для разумеющих.

Родился я в славном городе Ходженте. Мой отец Хамдам ибн-Джафар был почтенным, всеми уважаемым человеком. Он владел большим плодородным садом и сдавал его в пользование Музаффару сыну Ахмеда, которого породил Ахмад. Да будет доволен ими обоими Всевышний! Кроме того отец имел крепкий дом и лавку с товарами на базаре. Он занимался торговлей и дела его процветали.

При рождении мне дали имя Шакар. Через год мать благополучно произвела на свет моего брата Исмаила. Так уж получилось, что большая часть родительской любви пришлась на мою долю, поэтому я рос избалованным, своенравным мальчишкой. С юношеских пор пристрастился к безделью, пирушкам и всяческим развлечения.

Родители пытались обучить меня разным наукам и ремёслам, но я ничего не усвоил, кроме искусства письма и чтения, в чём, скажу не хвастая, добился немалых успехов. Также мне нравилась игра на дутаре и бубне. В скором времени я в совершенстве изучил эти искусства и на пирушках по просьбе приятелей постоянно увеселял их. Ничем более серьёзным заниматься я не желал, о чём сейчас горько сожалею, ибо моё беспутное поведение стало причиной многих бедствий и ужасного положения, в котором я теперь нахожусь.

Но в те дни я жил беспечно, не обращая внимания на увещевания родителей, на их призывы заняться каким-нибудь делом. А вот мой брат рос Исмаил трудолюбивым и благоразумным. Он не преуспел в учении, но добился немалого на стезе ремёсел: был хорошим кузнецом, умел лепить и обжигать кирпичи, выкладывать из них кибитки и дувалы. Исмаил с раннего детства любил труд в поле, пахал, обрабатывал землю. Отец пытался научить его торговать, но брат не смог научиться этому делу.

На моих щеках уже закудрявилась борода, когда внезапно от неизвестной болезни умерли наши родители. На смертном ложе отец призвал нас с Исмаилом к себе, дабы разделить между нами наследство. Мне он поручил лавку с товарами, она считалась самой большой и доходной в городе, а поле вместе с домом отдал брату. Деньги же поделил поровну. Каждый из нас одобрил его решение, ибо Исмаил с детства тянулся к труду на земле, я же считал его чересчур тяжёлым и унизительным. А вот торговля нравилась, её я находил лёгкой и прибыльной.

Похоронив родителей, я купил дом с садом и хаузом и занялся торговлей. Но скоро мне надоело сидеть с утра до вечера в лавке, улыбаться привередливым покупателям, выбегать с полусогнутой спиной навстречу особо уважаемым людям. Я поручил все дела в лавке надёжному человеку, каковым посчитал Ага-бабу аль-Исфагани, то есть исфаганцу. Ага-баба вёл всю торговлю и один раз в месяц приносил мне условленную долю дохода.

Я же тем временем занимался весёлыми пирушками с друзьями. Мы собирались у одного из нас в саду, нанимали музыкантов, певцов и проводили время в своё удовольствие. Приятели просили меня и я пел им, подыгрывая себе на дутаре, используя умно сплетённые слова Алишаха Самарканди:

«Любовь дарует зрение незрящим,
Дарует наслаждение скорбящим.
В безумцев превращает мудрецов
И наделяет мудростью глупцов.
Любовь бессильных награждает силой,
Безногий встанет, чтоб бежать за милой».

И Низами:

«Кто не любил иль отлюбил,
Тот, кто остыл давно,
Хоть в нём ещё немало сил,
Покойник – всё равно».

И Саади:

«Наверное, страсть не зря дарует нам судьба
Своею властью.
Величие царя, ничтожество раба –
Прах перед страстью».

И опять Саади:

«Ты говоришь мне: «Не ходи за той, чей строен стан.
Ты стал посмешищем для всех, безумен ты иль пьян?»
О ты, мудрец, советов мне напрасных не давай:
Ну, как могу я не ходить, когда на мне аркан?..»

И Хафиза, перед которым почтительно немеют остальные поэты, признавая его своим царём:

«Будь славен тот, кто страстью наделён,
Кто цепь её носить приговорён.
Что знаешь ты про сладость этой муки?
Любовь пьянит того лишь, кто влюблён…»

Скоро имеющиеся у меня деньги подошли к концу, а тех, что приносил Ага-баба, хватало ненадолго. И тогда он – да поразит его наизлейшей проказой шайтан! – предложил продать ему лавку, представив дела в ней как самые наихудшие, совсем пропащие. Я поверил, позабыв поговорку, что все плуты родом из Исфагана, – и продал.

Потом знающие люди говорили, что он дал мне меньше половины настоящей цены. Да и те деньги Ага-баба скопил, утаивая из выручки.

Я вновь занялся делами удовольствий, погрузившись в море блаженств, посещая острова наслаждений и срывая цветы приятства и неги. Всё это продолжалось до той поры, пока у меня водились деньги.

Затем я был вынужден продать свой дом. Исмаилу я сказал, что тоскую по родительскому крову и хотел бы жить с ним под одной крышей. Из уважения к моему старшинству брат выделил в своём доме мне большую комнату, где я и поселился. В это время он уже был женат на Ширмо, дочери горшечника Нияза, и она родила сына Исмата да дочь Малику.

Нужно ли говорить о том, что очень быстро я потратил на удовольствия и эти деньги. Настали тяжёлые для меня дни. Отчаявшись, я подсмотрел, где Исмаил хранил свои деньги и ночью взял их, совершив злокозненное дело.

Брат обнаружил пропажу, но на меня подозрений не возымел, ругая неизвестных воров. Ещё усерднее дерзких похитителей проклинал я. Простодушный Исмаил растрогался и принялся успокаивать меня.

Когда закончились деньги брата, то я уже знал, где их можно взять. Будучи однажды в гостях у кузнеца Рахима, я запомнил расположение его комнат. Ночью прокрался в спальную, неслышно открыл сундук и отыскал на его дне платок с монетами, собранными Рахимом сыну на свадебный туй.

Впоследствии так я делал многажды: пользовался всяким удобным предлогом, чтобы побывать в гостях, всё внимательно высматривал, запоминал, искусно выспрашивал, а спустя некоторое время тайком под покровом ночи пробирался в дом и крал.

Не было ничего самого плохого, чего бы я ни совершал! Я не только влезал в чужие дома, чтобы ограбить хозяев, но даже останавливал ночью на дороге поздних прохожих и, угрожая

ножом, забирал у них деньги, халат, чалму и чарыки. Однажды, когда я с узлами чужого добра вылезал из дома водоноса Одины, то хозяин схватил меня. Растерянный и донельзя испуганный, я выхватил нож и ударил его… Шайтан направил лезвие прямо в сердце – водонос упал замертво, а я убежал, бросив вещи.

В городе начали говорить обо мне нехорошее, но доказательств ни у кого не имелось и я жил беспечно, не обращая внимание на разговоры за моей спиной. Исмаил же твёрдо верил в мою частность, ибо был простодушен от природы, я уверял его, что живу праведно на деньги, доставшиеся мне в наследство от отца.

Потом шайтан зародил во мне желание ограбить дом богатого купца Бобосадыка. И тут счастье отвернулось от меня! Один из его домочадцев страдал бессонницей, не спал и увидел меня. Я едва успел закрыть лицо рукою.

…И вот в наш дом ворвались стражники, они начали искать похищенное. Долго ничего не находили, так как я прятал вещи на половине дома, которую занимал мой брат. Потом всё же обнаружили и схватили Исмаила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.